

Exhibit 35

UNITED STATES DISTRICT COURT
SOUTHERN DISTRICT OF THE STATE OF NEW YORK

-----X

UNITED STATES OF AMERICA,	:	CASE NO. 1:13-CV-06326 (TPG)
Plaintiff,	:	CASE IS ENTERED INTO THE
-versus-	:	ELECTRONIC ARCHIVE OF THE CASE
PREVEZON HOLDINGS LTD., <i>et al.</i> ,	:	
Defendants	:	
	:	
	:	

-----X

DECLARATION OF OLEG LURIE

I, Oleg Lurie, if called to testify, intend to state the following:

1. I was born May 3, 1963 in the Ukrainian Soviet Socialist Republic in the city of Kharkov. After completing high school, I entered into active military service in the Navy in a Deep-Water Rescue Brigade, engaging in the rescue and retrieval of crews involved in submarine accidents of the USSR Naval Fleet (city of Severomorsk, Murmansk Region). Since 1990, I have permanently resided in the city of Moscow, Russia. I have been a citizen of the Russian Federation from the moment at which our state was formed after the collapse of the USSR.

2. I have two higher education degrees: in philology and in economics.

3. In 1989, I graduated from the Kharkov State University Philology Department with a degree in Russian Language and Literature.

4. In 2004, I graduated from the Russian New University (city of Moscow) Economics Department with a degree in Finance and Credit.

5. I am not a member of any political party or movement.

6. I am an independent Russian journalist and blogger. I have engaged in journalism since 1984, while I was still serving in the fleet. Throughout this period I have worked both with state controlled mass media (“Vesti”) and independent Russian mass media such as “Novaya Gazeta,”

“Ekho Moskvu,” “Sovershenno Sekretno,” “Versiya,” and “NTV,” as well as with the American publication, “U.S. News & World Report,” where David E. Kaplan and I co-authored and jointly published material about corruption in the higher levels of power and the issues facing journalism in Russia. I also participated in various international journalism forums, including the Freedom Forum (Arlington, VA) in the early 2000s. My active journalistic work did not escape the attention of the professional community, nor of individuals who were clearly unhappy with my work. In 2001, I was attacked and warned to cease my investigations; a criminal case was opened but the criminals were never found. In 2004, in the United Kingdom, I was awarded the Order of Saint Stanislav of the Second Degree and a Silver Star for my contribution to world journalism and bravery in journalistic investigation.

7. On January 26, 2008, I was arrested in Moscow by investigators of the Investigative Committee of the Russian Federal Ministry of Internal Affairs (hereinafter – the IC MIA RF). I was put into a temporary holding facility, and by ruling of the Tversk District Court of Moscow I was ordered to be held in custody during the preliminary investigation period in Pretrial Detention Facility (Russian abbreviation – SIZO) No. 5 in Moscow. On April 24, 2008 I was transferred to SIZO No. 2 (FBU IZ77/2 (Pretrial Detention Facility 77/2), known as “Butyrka,” where I remained in custody until the end of August 2009. The investigators of the IC MIA RF accused me of extorting Senator Vladimir Slutsker in 2006 for USD 80,000 in exchange for not posting compromising information about him and his wife on the internet .

8. Throughout the entire period of preliminary investigation I was kept in custody, primarily in SIZO No. 2. Towards the end of 2008, my case was transferred with an indictment approved by the Deputy Prosecutor General of Russia, V.Ya. Grin, to the Tversk District Court of Moscow for consideration on the merits.

9. On March 10, 2009, the Tversk District Court of Moscow, presided over by Judge Ye.V. Stashina, found me guilty of two counts of extortion in combination with fraud and I was sentenced by Judge Ye.V. Stashina to punishment in the form of eight years in a strict-regime penal colony (a regime similar to imprisonment) and a RUB 200,000 fine.

10. Later, on July 27, 2009, the Moscow City Cassation Court (the highest appellate court for the city of Moscow) altered the March 10, 2009 sentence, changing the two counts of extortion to one. In addition, the court on the basis of re-qualification of the crime as well as a series of mitigating circumstances tied to the fact that I had no prior criminal record and that the members of my family

depended on me for financial support, reduced my detention by half, from eight years to four, relying on legal norms that allow sentences to be given that are lower than the mandatory minimum sanctioned by law for a particular crime. Specifically, the sanctions in Article 163(3)(b) of the CC RF (Russian Federal Criminal Code) (on the basis of which I was ultimately sentenced to four years of detention) were, in accordance with then current law, punishable by detention for a term of 7 (seven) to 15 (fifteen) years with a fine of up to RUB one million.

11. On approximately August 19, 2009, after my sentence had finally been set at a term of four years, I was transported (transferred) from the “Butyrka” SIZO to the location of my punishment – a camp in the Murmansk Oblast, in the northern part of the country.

12. Even though several more years remained for me to serve out my punishment for a crime that I never agreed with, believing instead that my case was an act of vengeance by Senator Slutsker and collusion with a case investigator who arrested me and attributed anonymous publications about Slutsker and his family to me. Following this, I wrote new articles and petitions to the investigative authorities and the investigator declared that I had slandered. In January 2011, a new charge was brought against me on the grounds of slandering the investigator.

13. In the new indictment it was stated that I had caused moral damage to the investigator and to the judicial system; I was returned to Moscow for new court proceedings.

14. This time my case was heard by a jury. In order to succeed, I needed to prove that the first case in which I had been convicted and for which I was serving time had been falsified and unjust. After the panel of jurors exited to deliberate their verdict, they returned in under three hours with a unanimous verdict of my complete innocence. This proved as well that the first criminal case against me had no legal basis. The Prosecutor General was later compelled to issue a public apology to me. The investigator who had initiated all the accusations against me was fired.

15. From the moment that my acquittal was handed down to the end of my term of imprisonment, there remained only one more month. The Supreme Court of the Russian Federation upheld the decision of the jury and I was immediately released in December 2011. The courts declined to reconsider my first conviction. But in essence, through the second finding, I achieved my acquittal on the first case. From a moral standpoint. Such is the story of my battle with the investigative authorities in Russia.

16. Returning to the period of my detention in the “Butyrka” pretrial detention center in connection with my first criminal case in 2008–2009, I want to explain that for the most part I had been kept in a special block, known as the “Thieves’ Block.” This block was generally used to hold those who were charged with particularly dangerous crimes or who themselves posed a particular danger. The conditions in this part of the detention facility were especially strict in comparison to the rest of the facility, which operated under “general conditions.” Even though I did not fall into any category that would account for my detention in the “thieves” block, and was considered a “white collar criminal” there, I was transferred there after being held for two months in the “general” wing because of the protest actions that I initiated, based on my opposition to the charges brought against me and my arrest. I declared a hunger strike, did not follow the rules of the daily schedule, constantly wrote complaints against the management of the detention center and the investigator. I was characterized as a “rebel,” put under the watch of the SIZO management and transferred to the “thieves block,” where conditions of detention were far harsher. But even in the period of my confinement in this especially strict sector, I did not cease my protest actions – for which I was more than once subjected to disciplinary measures in the form of reprimands and censures and put into a punishment cell (solitary confinement). As a result, on July 7, 2009, the SIZO management adopted a resolution to place me into “preventive monitoring, due to inclination to disorganization of the normal functioning of the SIZO” (I am quoting from the actual words of the commission). Due to my rebellious behavior, in order that I would not be able to incite my cellmates to protest actions (there were four men per cell), I was moved from one cell to another countless times. During my time in “Butyrka” (one year and five months) I was subject to more than 30 such transfers. In some instances I was transferred from cell to cell within a day or a few days. As a general rule, I did not remain in the same cell for more than 2–3 weeks.

17. My rebellious conduct was without a doubt known not only to the detention center management but also to the inmates it held. To a certain extent I enjoyed some authority among the detainees as a “political prisoner,” since I was accused on the word of a politician – a senator; because I did not collaborate with the investigator and the management of the detention center; because I protested at each and every opportunity, even when there was not a solid a basis for this. It was my demonstrative protest against the conditions and situation in which I found myself that captured the attention of other inmates.

18. On or about August 9, 2009, while in a so-called “assembly area” of the Butyrka SIZO (this is where inmates are led after their meetings with lawyers or relatives; or after returning from a

court hearing, to wait to be led back to their cells; or when transferring from one cell to another), I met Sergei Magnitsky. On that day I had a meeting with my lawyer and I was waiting to be picked up and conducted to my cell. Sometimes this wait lasted for several hours.

19. As I waited in the “assembly area” I was talking with several other inmates who were also there. At that time I was rather well known in the jail, since I was not your usual criminal, because I had particular professional experience and because my case was rather widely known. I even had a jail nickname – the “Journalist.” Thanks to my professional experience and knowledge of the legal system on the basis of my case, I likewise offered help to other inmates on questions that interested them, giving them advice about daily jail life or about the legal disputes of the inmates.

20. I did not see Magnitsky when they led me into the “assembly area.” He appeared there after I had already been there for about 30 or 40 minutes. When Magnitsky was brought in, there were more than ten other detainees in the room. I was telling the other inmates how my cassation court hearing had gone, in which my sentence and the number of criminal charges against me had been cut in half.

21. Inmates were brought in and out of the “assembly.” Magnitsky must have been in that room not less than thirty minutes, if not more, before he approached me. Prior to that I did not know him and had not seen him before. However I noticed him even before he came up to me, since his appearance stood out against the backdrop of the other prisoners: he was neat and well groomed, like a bank clerk, conducted himself very quietly and attentively listened to my conversation with the other detainees. Magnitsky came up to me, asked permission to interrupt my conversation and asked if we could talk one-on-one. I agreed, we moved away from the other detainees and sat on a bench so that we could keep our conversation confidential.

22. Magnitsky immediately asked me: “Are you Oleg the Journalist?” I answered affirmatively, he introduced himself and explained that he had heard of me, had heard of my case, had read about me even prior to winding up in detention. Now behind bars, he had heard about me from other inmates.

23. Magnitsky told me that he was being held in a special block which, I had heard, had the best cells in the jail – the “big special block.” These cells usually held “white collar criminals”, the number of inmates per cell was fewer, there was often hot water in the cell itself and the cells were outfitted with appliances (televisions, refrigerators and so forth). I had never been kept in one of these cells, but I had heard about the conditions there from other inmates.

24. The conversation with Magnitsky was unusual and for that reason I remembered him. Magnitsky told me that he was innocent, that he had wound up in custody only because he had not managed to leave the country and that he had “protectors,” both in Russia and abroad, who would manage to get his release since they had a great deal of interest in seeing that he (Magnitsky) not give any testimony about his employers, although he could also cooperate with the investigation and say quite a lot. He did not name any names.

25. Magnitsky said that word had been passed to him from his employers that an agreement had already been struck with the investigation to change his preventive punishment from custody to a written undertaking not to leave the country, but that immediately following his release he would leave the country for England, from where there is no extradition to Russia

26. I asked him, if everything was going so well for him, why hadn't he been released already and what did he want from me? Magnitsky explained to me that negotiations with the investigation were very complex and protracted but that his employers' friends had gotten involved, who had administrative ties with law enforcement agencies and that they had finally managed to arrive at an agreement. He did not say from whom he had received this information, but from our conversation I understood that this came to him through an unnamed person via a cell phone, which were strictly prohibited but existed in the SIZO illegally. Thus, contending that all would be as he had described, he added that everything had been confirmed to him once again the night before. Since there are no meetings with lawyers or relatives at night, and because nighttime was the safest time to use illegal cell phones (searches at night are prohibited), I concluded that he had received this information from outside via an illegal mobile phone connection. In addition, he explained that he had been told that in order for there to be adequate grounds to change his preventive punishment from custody to a written undertaking not to leave the country, he would need to write a large number of complaints about the conditions of his detention, which he had already begun to do. His request to me was for advice and help as to how to properly write the text of the complaints so that these did not provoke an examination of the detention center and did not provoke aggression against him from other inmates. Magnitsky was very worried that he might provoke the anger of the other detainees and the detention center management, which he believed could lead to physical attacks on him by the other detainees and (or) the deprivation of certain everyday comforts by the management even to the point of a transfer to bad cells, of which he had heard. In particular, he said that it had been recommended to him to complain about non-compliance of detention conditions in the jail with internal jail rules. For instance, two square meters of space are supposed to be apportioned for each inmate in each cell, but

Magnitsky only had 1.5 square meters of area to himself in his cell. He said that he had to take his complaints to absurd lengths: he measured the size of his cell by paces, monitored the hot water supply, the uninterrupted functioning of his toilet plumbing and so forth. It had been extremely unpleasant for him personally to write such complaints. But he had been assured that it was the sole thing that he must do in order for the investigator to change his preventive punishment.

27. I said to Magnitsky that we were being kept in a detention center whose building was constructed in the 19th Century and that the conditions of confinement here violated the internal jail rules with respect to each inmate and not just him. I also told Magnitsky that taking into account the age of the detention center and the number of inmates held within it, adherence to such rules was simply impossible. Therefore, I placed under serious doubt the validity of the recommendations that had been given to him. At the very least I had never heard anything like that previously.

28. I said with sarcasm to Magnitsky that he should submit the most idiotic possible complaints, for instance complain about the size of the area set aside for the toilet in each cell. He laughed in reply.

29. I told Magnitsky my opinion that if the agreement he had described to me had been reached no complaints would need to be filed to bring it about. This was because it was within the competence of an investigator to decide the question independently, particularly since the article that he was charged under (as he explained to me, he was accused of tax evasion) was not that threatening. To which Magnitsky told me that he had posed the very same question to his protector, who explained that his case concerned tax theft, possibly more than one instance, and therefore it had not been so simple to come to terms with the investigator. I replied that I didn't believe this story and that all that he would achieve with his idiotic complaints would be a search of the cells by a special commission, in the course of which contraband goods hidden in the cells of other detainees would no doubt be exposed, including illegal cell phones, and that this would in turn certainly provoke the rage of the other inmates towards him. I told him that he was being played for a fool and that he should think about why.

30. Our conversation was over in about 20 minutes, we wished each other luck. Throughout our conversation Magnitsky appeared calm and at ease.

31. My next meeting with Magnitsky took place about a week to ten days later, but definitely prior to August 19, 2014, in one of those "assembly areas" in the "Butyrka" SIZO. Upon seeing me, he immediately approached and we began to talk.

← → ↻ cfr.org/member/profile/lucy-komisar/C00001946

Apps MTA Bus Time Test your connection Internet Archive: Di... Bookmarks Imported From Fire... Cyte T

Alert – CFR is fully operational. All in-person events

[← Back to Directory](#)

Lucy Komisar

Journalist

Biography

Freelance investigative journalist specializing in stories on financial crime, offshore bank and corporate secrecy.

For Miami Herald story on how Florida banking department's unregulated office to sell phony CDs and move money offshore.

* Gerald Loeb award for business and financial journalism by the American Society of Newspaper Editors;

* National Press Club award for Newspaper Consumer Journalism;

* Sigma Delta Chi award for Non-Deadline Reporting (Daily Courier);
Society of Professional Journalists;

* National Headliner Award, second place for Business Newsweek; Atlantic City;

* Sunshine State Award, first place for Non-Deadline Business Reporting; Florida chapter, Society of Professional Journalists.

Exposé led Florida legislature to pass reform law.

agreements were apparently not with the investigator but rather, they told Magnitsky, with his superiors.

39. I tried to calm him and said that he should not get involved in such events. I suggested that he tell the investigator about this. It seemed that Magnitsky wasn't listening to me, as he was fully immersed in his own thoughts. During this part of the conversation Magnitsky complained about his general state, he said that he did not feel very well, his chronic pains were exacerbated, he slept poorly, worried a lot. I asked Magnitsky if he needed anything from the prison "grapevine," the mechanism by which inmates shared medications and other items so as to help one another. Magnitsky told me that he was alright and that he had everything he needed. I advised him to think more about himself, that on account of his alarmed state he could start to have problems with his health. At that point we were separated and we never saw each other again.

40. I have never seen a single piece of evidence that Magnitsky or any other inmate was beaten in the detention center. Such an event would have led to a mass prison riot, which the management very much feared, dreading what it would mean for their careers.

41. As an example I can describe the only time something happened in my presence. At the very beginning of my detention it became known that in solitary someone apparently struck one of the inmates with a club. In response all of the detainees refused to eat for several days, a matter that could become fatal for the management – the news of a hunger strike could leak out to the press and at a minimum all of them would have been fired. To end the hunger strike a special task-force unit was called in but they did not enter the building. Inmates' relatives were brought in and intense negotiations were conducted between the inmates and the management. The hunger strike ended only after the management agreed to a series of terms pertaining to feeding and the detention regime.

42. As I have already said, I remained in the "Butyrka" pretrial detention center until approximately August 19, 2009, at which point I was informed that I would be transferred to a penal colony, where I would serve the remainder of my term after the cassation decision. That evening they sent me to the place where I was to serve my punishment in the Murmansk Oblast, north of the Arctic Circle.

43. While I was in the Murmansk camp I heard about Magnitsky's death through the media. I heard that he had died of natural causes, although I later heard that stories had appeared in the press saying he had been killed. From these reports I learned that he had been transferred from the "Butyrka" pre-trial detention facility to "Matrosskaya Tishina." Butyrka had a small medical center

while Matrosskaya Tishina had a hospital. He died there on the day that he was transferred from our pre-trial detention facility.

44. Regarding the medical and other conditions of our custody, I would like to explain that Russian prisons and pre-trial detention centers, like American ones, are not resorts and sanatoriums for prisoners and inmates. The level of medical care in our penitentiary system is quite poor. I also felt that the level of professional training for doctors was extremely low, that pre-trial detention facilities and penal colonies lacked necessary and sufficient medical equipment and that sometimes doctors tried to use one type of pill to treat all illnesses. I don't know the exact statistics but there are more than just isolated cases of deaths in pre-trial detention facilities and prisons. I have written articles about these issues.

45. In the case of Magnitsky I had misgivings about just one thing - he was extremely anxious at our last visit, and I understood his anxiety to come from his realization that the people for whom he had worked were beginning to use him for some of their purposes, asking him to do things and sign documents which he didn't personally approve of. At least that's how I understood the whole context of my conversation with him. But I didn't see any signs that he had any serious health issues and he didn't say anything specific. He just said that his chronic pains had recently gotten worse due to all of the anxiety and worrying.

46. After I was released and returned to normal life I resumed my work and began investigating who Sergei Magnitsky's employer was.

47. I didn't know about the circumstances of Sergei's case, I had only read things in open sources and in the press. By that time, I didn't need to search for the employers about whom Magnitsky had spoken because they were already running a huge PR campaign across the world. They turned out to be a U.S. citizen, Firestone, and a former American turned British citizen, Bill Browder. I was honestly not very interested at the time in what they were saying about what Sergei had or had not done and I didn't get into the details or specifics of the story around the so-called Magnitsky case. Even without me there were tons of journalists. I was interested in something else in the story. How could a foreign citizen acting alone, as he presents himself in the press, without knowing Russian or our laws or mentality, without living here a single day, come to us and over the course of several years make a fortune for himself and other foreign investors who backed him and make it into the ratings of the world's richest people? Knowing how business works in our country, mixed together with corruption, especially during Yeltsin's rule, which was the subject of much of my investigative

reporting, I didn't doubt for a minute that Browder and the people behind him could not have made their initial capital without being involved in corrupt schemes, colluding with officials, and outright theft.

48. Researching open sources and accumulating informants and documents, at some point I unexpectedly found that Browder's name and the history of his capital are intimately intertwined with the names of our corrupt former officials who were essentially oligarchs. They included, for example, former Russian prime minister Mikhail Kasyanov, the hero of many of my publications and investigations since the start of the 2000's. But I was shocked to find a direct link between Browder's name and not only Kasyanov, but also with the largest case of fraud in the history of the Russian Federation, the inappropriate use of \$4.8 billion provided to Russia by the International Monetary Fund in 1998. I had been researching this for quite a while, over 10 years, and had written articles about it before my arrest. At that time, I established that financial transactions, which did not make it into the Russian budget but still fell as a debt on the Russian Treasury, which was then covered by other loans, involved a whole chain of American companies and lending institutions. One of these lending institutions was Edmond Safra's Republic National Bank of New York. Imagine my surprise when I discovered that Edmond Safra was a cofounder and nearly the founder of the same company - Hermitage Capital, on behalf of which Browder did business in our country until they were shut down for their schemes. I have already written that most likely Edmond Safra had begun to cooperate with the American investigation, but soon after the FBI launched an investigation into the circumstances surrounding the financial transactions involving the previously mentioned loan, he died suddenly in a fire in his own home in 1999, which raised a lot of questions for me personally about whether or not this tragedy was an accident.

49. Researching the same employers and protectors of Sergei about whom he had told me without naming names, but who I knew about from open sources, I attempted to find an answer to the question, how could they have run such speculative fraudulent schemes here for so long and without punishment? I began to tease out the chain of their corporation and suddenly discovered that Safra's bank, Republic National Bank of New York, which was involved in the same schemes that I had written about 10 years before, was sold immediately after his tragic, exceedingly strange death to HSBC. In Russia, the Republic National Bank of New York was replaced by the Russian office of HSBC. And it was HSBC that declared itself to be the owner of Hermitage Capital, or more accurately, the owner of the companies that were managed through Hermitage Capital by Bill Browder. I began new publications and interviews about the possible link between Bill Browder's

“sudden” financial success through Hermitage Capital in Russia and Safra’s death and the transfer of his bank to HSBC immediately after the murky business of the foreign currency loans.

50. My research lead the authors of a film about Browder’s history in Russia and other countries entitled “Sherlock Holmes Investigates Magnitsky’s Death” to me in the summer of 2014. The film came out in October 2014 in England and in the middle of November 2014 was shown in Russia on NTV with a Russian translation. Today this film, with my involvement, can be openly accessed on the internet.

51. In these recordings, which were made in the summer of 2014, I told the film’s creators about my story and the results of my research, but they were most interested in the fact that I had personally spoken with Sergei Magnitsky in the Butyrka pre-trial detention facility. And, as I mentioned just above, I didn’t get into the details of his case and was not interested in such details, so I wasn’t even aware that I was in fact the last journalist that spoke with him.

52. I now understand that I was apparently the first journalist to speak with him. After being recorded for the film, I began to research Sergei’s story on the internet and didn’t find a single interview with Magnitsky over the entire course of Browder’s multi-year PR campaign on the case nor, incidentally, any mention of him prior to his arrest in the fall of 2008.

53. After the film I was involved in appeared on the internet, somewhere around October 2014, Natalia Veselnitskaya, the Russian attorney for Denis Katsyv, got in touch with me. That was the first time I spoke with her or anyone else representing her client. We met at the Mariott hotel in Moscow on Tverskaya Street and discussed the information I had for about four hours. During that conversation I told her my story, described above, regarding my imprisonment and meetings with Magnitsky. A bit later she took my written testimony, as a court attorney, and asked that I not speak with anyone else about it, as my testimony on the circumstances of my meeting and conversations with Sergei Magnitsky might be required for court proceedings that Browder had initiated in the U.S. through the federal prosecutor against her client’s companies. She also gave me other materials so that I could continue my research and write other articles on unrelated topics.

54. However, on October 29, 2014, I appeared for an hour on the popular Russian radio station “Vesti FM,” where I host a live show once a week with the famous Russian journalist Vladimir Solovyov. During that broadcast, while talking about other issues, I mentioned my meetings with Magnitsky, without any details or specifics. And despite Volodya Solovyov’s attempts during a news

break in the broadcast to persuade me to say what the meetings had been about, I remembered Katsyv's lawyer's request and didn't tell anyone any further details.

55. But Solovyov's broadcast is so popular that the news that I had met with Magnitsky personally just prior to his death spread immediately, even more so than my account in the English film. Many Russian journalists began to call me and request interviews but I declined.

56. Then on November 4, 2014, I received a call from an unknown number. Since, due to the nature of my work as a journalist, I have encountered threats and provocations on multiple occasions, I try to record all unknown calls and always carry a second phone to function as a dictaphone. And so this time I put my phone on speaker and began to record the short phone conversation with the other device, an inactive (i.e., functioning but not connected to any mobile network) cell phone with a recorder function. The call was interrupted due to technical issues. Actually, I hung up the phone to make sure that I could record the conversation.

57. I recorded the entire conversation. A true and accurate recording of the phone conversation and a true and accurate transcript of that call are attached as Exhibit No. 1 to this declaration. The caller identified himself as "Maksim." My voice in the recording is labeled Speaker 1 and Maksim's voice as Speaker 2. I had never spoken with this caller before, his voice was not familiar to me and I don't know the caller.

58. The same phone called me again almost immediately. Again, the phone number was unfamiliar to me. I recorded the conversation in the same exact way as the first one - using speaker phone and another inactive cell phone with a recording function. I recorded the entire conversation. A true and accurate recording of the phone conversation and a true and accurate transcript of that call are attached as Exhibit No. 2 to this declaration. My voice in the recording is labeled Speaker 1 and Maksim's voice is Speaker 2.

59. After a few introductory courtesies, Maksim told me that he was acting on behalf of his client, without naming the client. I guessed that his client was William Browder. Maksim told me that he had heard my recent talk on the radio and referred to Magnitsky, without mentioning his name. Maksim said that he could provide me with additional documents so that I could "adjust my story just a bit." Maksim suggested that I meet with his representative in Moscow who, according to Maksim, was named Mark. He told me that Mark and I could discuss "commercial issues," and "certain support." I agreed to meet with "Mark" in a public place.

60. The same person called me again thirty minutes later. Again, the phone number was unfamiliar to me. I recorded this conversation exactly as I had the first two - using speaker phone and a separate inactive cell phone with a recorder function. I recorded the entire conversation. A true and accurate recording of the phone conversation and a true and accurate transcript of that call are presented in Exhibit No. 3 to this declaration. My voice in the recording of this conversation is labeled as Speaker 1 and Maksim's voice as Speaker 2.

61. During this conversation Maksim asked that we meet as soon as possible. But he immediately clarified that instead of "Mark" a certain "Vladimir" would be at the meeting (whom he also occasionally called "Volodya" - this is a common colloquial form in Russian for the name Vladimir). Maksim told me that Vladimir would take care of all money related matters.

62. Vladimir called me on November 6th from a hidden number to agree on our meeting; I didn't record this conversation as I was at an interview at the time. He and I agreed to meet at the Radisson Ukraine hotel located at the beginning of Kutuzovsky Prospekt in the center of Moscow.

63. I later met with Vladimir on November 6th as he asked. I recorded the conversation we had during that meeting using the inactive cell phone with the recorder function. I recorded the meeting [sic]. A true and accurate recording of the conversation and a true and accurate transcript of the conversation are attached as Exhibit No. 4 to this declaration. Vladimir's voice in the recording is labeled as Speaker 1 and my voice as Speaker 2.

64. Vladimir is very skinny, about 1.8 meters tall (just under 6 feet) with grey, close-cropped hair. The skin around his eyes and forehead is creased with wrinkles. He was well dressed with a silk scarf and an expensive cashmere overcoat. He wasn't wearing a watch. Instead he checked the time on the screen of a relatively inexpensive mobile phone.

65. During the meeting, Vladimir ordered tea and water.

66. Vladimir told me that he and Maksim represented the interests of William Browder. They were concerned by what I had said on the radio about having met twice with Magnitsky in "Butyrka" and that Magnitsky had even mentioned persons connected to Browder.

67. Vladimir made me an offer on behalf of Browder, asking me to change my story to their version as it had been portrayed up to that time in the press: that Magnitsky had been subjected to beatings and was killed in jail after he exposed the multi-million theft of funds from the Russian budget and openly accused investigators of this. I said that I had not had any such conversations and

that this was apparently not true at all but Vladimir said to me that “Magnitsky is dead and can neither deny nor confirm anything.” Vladimir (on behalf of Browder) asked me to write an article that could be published in the western press and was prepared to provide me with information about the Magnitsky list and additional materials.

68. Vladimir said that they needed me to do this in connection with a court case in the U.S. involving Katsyv that was of critical importance; if this case failed, the whole story with Magnitsky would fall apart. Vladimir admitted that “we understand that Katsyv is not involved.”

69. Vladimir offered me 100,000 pounds sterling and I asked him how much that amount would be in dollars. I told Vladimir that I needed to think the offer over and we agreed to talk again later.

70. But during the conversation, toward the end, I asked who this mysterious “Mark” was, with whom I was initially supposed to meet and instead of whom Vladimir came to this meeting. I asked whether it was Mark Feigin. My question clearly put Vladimir at a loss; he was embarrassed and he said that his boss did not want to shine a light on Mark so he was sent to meet with me instead.

71. I will explain why I mentioned the name of this attorney. By this time, having spent a lot of time studying Browder’s story, I also saw a direct connection between several of our Russian journalists and attorneys who shared Mr. Browder’s anti-Russian mindset. And one of these people was Mr. Mark Feigin, a Russian attorney who took on high-profile cases that in one way or another publicly discredited government authority and President Putin personally. One of the most well-known cases at the time of my conversation was the case involving the group Pussy Riot. The shameful performance by these girls of loose morals, to put it mildly, which maligned the foundations of the church and about which a huge number of witness reports appear in publicly available sources, was used in an absolutely distorted form by a great many enemies of Russia against Russia as a whole. One of the attorneys for these girls was Mark Feigin, who used this case more than any of the other attorneys to bring attention to himself in the media. My sources told me that they saw Feigin in Browder’s office in London on multiple occasions while he was handling the Pussy Riot case. Then, after they were released from imprisonment, Browder started taking these girls with him to his speeches as yet another example of “Putin’s totalitarian system.” For example, not long after the events I have described, one of their recent joint appearances was at a conference in London on November 18, 2014, where along with Browder, Tolokonnikova, and Alekhina, Mikhail Kasyanov, whom I mentioned earlier, was also present (video of the conference is available on the internet:

<http://henryjacksonsociety.org/2014/11/18/prospects-for-russia-after-putin-five-years-from-the-death-of-sergei-magnitsky/> and a video - <https://www.youtube.com/watch?v=8TrEqcT3nil>). So, because Mark is not a common name in our country and at that time the only Mark I had heard of in connection with Browder was Mark Feigin, I mentioned his surname. Maksim was embarrassed and that was the end of the conversation.

72. Then I had a telephone conversation with Vladimir on November 16, 2014, during which we arranged the next meeting. He called from a concealed number but I recognized his voice right away. I proposed that we meet at the “Todase” cafe near the editorial offices of the newspaper Izvestia, but Vladimir wanted to meet at a different cafe, called “Cafe Moskva,” literally two steps away from the place I had suggested, at about 3 or 4 o’clock. I was unable to record this telephone conversation because I was riding the subway at the time.

73. I met with Vladimir later on November 16, as he had requested. I recorded the conversation we had during this meeting using an inactive mobile telephone with recording capability. I recorded this meeting [sic]. A true and accurate recording of the conversation along with a true and accurate transcript of this conversation are attached as Exhibit No. 5 to this declaration. Vladimir’s voice is designated on the recording as Speaker 1 and my voice is designated as Speaker 2.

74. Vladimir just drank a little water, which I had ordered before he arrived.

75. During this meeting, I told Vladimir that I could not accept his offer because it was against my conscience. Then Vladimir threatened that Browder would drag me through the courts and I would be prohibited from entering many countries around the world if I did not accept his offer. Vladimir even stated that Browder could manipulate the courts in the U.S.

76. Apart from the telephone conversations and meetings listed here, I have had no further contact with either Vladimir or Maksim.

77. I agreed to the meetings with Vladimir only out of journalistic interest, to study firsthand the methods used by Browder in his campaign. And because I understood that they were interested in my testimony, which they asked me to give in order to strengthen their position in the Katsyv case in the U.S., I told Katsyv's Russian attorney, Natalia Veselnitskaya, about all of these contacts and conversations, and she asked me not to give any more interviews or write any articles about my contacts with Sergey Magnitsky and Browder's representatives prior to giving this testimony in the case.

I declare under penalty of perjury in accordance with the laws of the United States of America that everything stated above is true and accurate:

Date of signature: 13.02, 2015

Oleg Lurie
(signature)

Moscow, Russia

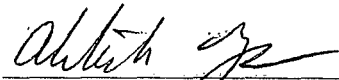
Oleg Lurie

TRANSPERFECT

City of New York, State of New York, County of New York

I, Alitasha Younger, hereby certify that the document "Declaration of Oleg Lurie" is, to the best of my knowledge and belief, a true and accurate translation from Russian to English.

Alitasha Younger

Sworn to before me this
March 2, 2015.

Signature, Notary Public

Stamp, Notary Public

LANGUAGE AND TECHNOLOGY SOLUTIONS FOR GLOBAL BUSINESS

THREE PARK AVENUE, 39TH FLOOR, NEW YORK, NY 10016 | T 212.689.5555 | F 212.689.1059 | WWW.TRANSPERFECT.COM

OFFICES IN 85 CITIES WORLDWIDE

ОКРУЖНОЙ СУД США

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СУДЕБНЫЙ ОКРУГ ШТАТА НЬЮ-ЙОРК

-----X

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ,

ДЕЛО № 1:13-CV-06326 (TPG)

Истец,

:

ДЕЛО ВНЕСЕНО В ЭЛЕКТРОННЫЙ

-против-

:

АРХИВ ДЕЛ

Компании «ПРЕВЕЗОН ХОЛДИНГС ЛТД.»;

и др.,

:

Ответчики.

:

:

-----X

ЗАЯВЛЕНИЕ ОЛЕГА ЛУРЬЕ

Я, Олег Лурье, в случае если я буду вызван для дачи свидетельских показаний, намерен сообщить следующее:

1. Я родился 3 мая 1963 года в Украинской Советской Социалистической Республике в городе Харькове. После школы проходил срочную военную службу в военно-морском флоте в аварийно-спасательной глубоководной бригаде, занимавшейся спасением и подъемом экипажей аварийных подводных лодок ВМФ СССР (город Североморск, Мурманская область). С 1990 года по настоящее время постоянно проживаю в городе Москве, Россия. Я гражданин Российской Федерации с момента образования нашего государства после распада СССР.

2. Я имею два высших образования: филологическое и экономическое.

3. В 1989 году закончил Харьковский государственный университет, филологический факультет, по специальности «русский язык и литература».

4. В 2004 году закончил Российский новый университет (город Москва), экономический факультет, специальность «финансы и кредит».

5. Ни в каких политических партиях и движениях не состою.

6. Я являюсь российским независимым журналистом и блогером. Журналистикой я

занимаюсь с 1984 года, еще со времени прохождения службы на флоте. За это время я сотрудничал как с правительственными («Вести»), так и с независимыми российскими СМИ, такими как «Новая Газета», «Эхо Москвы», «Совершенно секретно», «Версия», «НТВ», а также американским изданием U.S. News & World Report, где в соавторстве с Дэвидом Капланом (David E. Kaplan) мы публиковали материалы о коррупции в высших эшелонах власти и проблем журналистики в России, участвовал в различных международных журналистских форумах, в том числе на freedom forum (Арлингтон) в начале 2000-х годов. Моя активная журналистская деятельность не осталась без внимания как профессионального сообщества, так и явно недовольных ею лиц. В 2001 году на меня было совершено нападение с угрозами прекращения моих расследований, было возбуждено уголовное дело, но преступников так и не нашли. В 2004 году в Великобритании я был награждён Орденом Святого Станислава II степени и Серебряной Звездой за вклад в мировую журналистику и смелость в журналистских расследованиях.

7. 26 января 2008 года в г. Москве я был арестован следователем Следственного комитета при Министерстве внутренних дел Российской Федерации (далее, как - СК при МВД РФ), помещен в изолятор временного содержания и по решению Тверского районного суда г. Москвы был заключен под стражу на период предварительного следствия и помещен первоначально в следственный изолятор (сокращенная аббревиатура - СИЗО) № 5 по г. Москве, а 24 апреля 2008 года переведен в другое СИЗО № 2 (ФБУ ИЗ77/2), известное как «Бутырка», где я оставался под стражей до конца августа 2009 года. Следователь СК при МВД РФ обвинил меня в вымогательстве у российского сенатора Владимира Слуцкера 80 тысяч долларов США за непубликацию компрометирующих его и его жену сведений в сети интернет в 2006 году.

8. Весь период предварительного следствия я находился под стражей и преимущественно содержался в СИЗО № 2, примерно в конце 2008 года мое дело было передано с обвинительным заключением, утвержденным заместителем Генерального прокурора России Гринем В.Я., в Тверской районный суд города Москвы для рассмотрения по существу.

9. 10 марта 2009 года Тверским районным судом города Москвы под председательством судьи Сташиной Е.В. я был признан виновным в двух эпизодах вымогательства, сопряженного с мошенничеством, что в итоге привело к назначенной мне судьей Сташиной Е.В. меры наказания в виде 8 лет колонии строго режима (режим, близкий к

тюремному) и штрафу в размере 200 000 рублей.

10. Позднее, 27 июля 2009 года кассационная инстанция Московского городского суда, изменила приговор от 10 марта 2009 года, заменив два эпизода вымогательства на один и с учетом переквалификации преступления, а также ряда смягчающих обстоятельств, связанных с тем, что я ранее никогда не привлекался к ответственности, нахождением на моем финансовом иждивении членов моей семьи, сократила в два раза срок моего лишения свободы с 8-ми лет до 4-х лет, применив нормы права, позволяющие присуждать сроки наказания ниже нижнего предела, установленного санкцией статьи за конкретное преступление. В частности, санкция части 3 пункт «б» статьи 163 УК РФ (по которой я и был осужден в итоге на 4 года лишения свободы) в соответствии с действовавшим тогда законодательством предусматривала наказание лишением свободы на срок от 7 (семи) до 15 (пятнадцати) лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей.

11. Примерно 19 августа 2009 года, после того, как мне был окончательно определен срок в 4 года, я из СИЗО «Бутырка» был этапирован (перевезен) к месту отбывания наказания – в колонию Мурманской области, на севере страны.

12. Хотя мне оставалось еще несколько лет отбывать наказание за преступление, с которым я никогда не был согласен и считал, что мое дело являлось актом возмездия сенатора Слуцкера и его сговора со следователем, который меня арестовал и приписал мне чужие анонимные публикации по поводу Слуцкера и его семьи, о чем я писал новые статьи и заявления в следственные органы, этот следователь заявил, что я его оклеветал и мне в январе 2011 года было предъявлено новое обвинение в клевете в отношении следователя.

13. В новом обвинении говорилось, что я нанес моральный ущерб следователю и судебной системе, меня вернули в Москву для нового судебного разбирательства.

14. На этот раз дело рассматривалось судом присяжных. Чтобы добиться успеха, я должен был доказать, что первое дело, по которому я к тому моменту был осужден и отбывал наказание, было сфальсифицированным и неправомерным. После того, как коллегия присяжных ушла для вынесения вердикта, они вернулись менее чем через три часа с единогласным вердиктом о моем полном оправдании. Это доказывало и то, что первое уголовное дело против меня не имело никаких правовых оснований. Генеральный прокурор России вынужден был потом публично приносить мне извинения. Следователь, который инициировал все обвинения в мой адрес, был уволен.

15. На момент вынесения оправдательного вердикта до окончания срока моего тюремного заключения оставался всего месяц. Верховный Суд Российской Федерации утвердил решение жюри присяжных, меня тут же выпустили на свободу в декабре 2011 года. Пересматривать первый приговор все отказались. Но по сути я вторым оправдательным приговором добился своего оправдания и по первому делу. С моральной точки зрения. Такова история моего сражения со следственными органами в России.

16. Возвращаясь к периоду моего содержания в следственном изоляторе «Бутырка» по первому уголовному делу в 2008-2009 годах, поясню, что я в основном содержался в специальном блоке, известном под названием «воровской продол» (vorovskoy prodol). В этом блоке обычно содержались лица, обвиняемые в особо опасных преступлениях либо представляющие особую опасность как личности. Условия содержания этой части изолятора были особо строгие по сравнению с остальной частью, функционировавшей на «общих условиях». Хотя я не подпадал ни под одну категорию для моего содержания в «воровском» блоке, и считался там «белым воротничком», меня туда перевели через 2 месяца моего содержания в «общем» блоке из-за моих протестных акций, которые я устраивал, будучи несогласным с предъявленным мне обвинением и мерой пресечения в виде ареста. Я объявлял голодовки, не подчинялся правилам распорядка дня, писал постоянно жалобы на руководство изолятора и следователя. Меня охарактеризовали, как «бунтарь», поставили на контроль администрации СИЗО и перевели в «воровской продол», где условия содержания были значительно суровее. Но и в период моего содержания в этой особо строгой части, я своих протестных акций не прекратил, за что был неоднократно привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговоров, замечаний, помещения в карцер (одиночная камера), и в итоге 7 июля 2009 года администрация СИЗО приняла решение поставить меня на «профилактический учет, как склонного к дезорганизации нормальной деятельности СИЗО» (дословная цитата из решения комиссии). Из-за моего бунтарского поведения, чтобы я не смог подбивать сокамерников к акциям протестов (в камерах содержалось по 4-ре человека) меня переводили из камеры в камеру бесчисленное количество раз. За время содержания в «Бутырке» (1 год и 5 месяцев) таких переводов было более 30-ти, в некоторых случаях перемещения из камеры в камеру были в течение суток или нескольких дней. Обычно в одной камере я оставался не более 2-3 недель.

17. Мое бунтарское поведение было безусловно известно не только руководству изолятора, но и содержащимся в нем заключенным. В определенной степени я пользовался

среди заключенных неким авторитетом, как «политический заключенный», поскольку обвинялся по заявлению политика – сенатора, не сотрудничал со следствием и руководством изолятора, высказывал протесты по каждому любому случаю, даже тогда, когда достаточных поводов для этого не было. Это мое демонстративное отвержение обстановки и ситуации, в которой я оказался, привлекало ко мне внимание со стороны других заключенных.

18. Примерно 9 августа 2009 года или в дату, около этой, находясь в так называемом «сборном помещении» СИЗО «Бутырка» (туда заключенных приводят после встреч с адвокатами или с родственниками, или после возвращения с судебных слушаний, в ожидании развода обратно по камерам, при перемещении из камеры в камеру) я познакомился с Сергеем Магнитским. В тот день у меня состоялась встреча с моим адвокатом и я ожил, когда меня заберут и сопроводят в мою камеру. Иногда такое ожидание могло быть по несколько часов.

19. Ожидая в «сборном помещении», я разговаривал с несколькими другими заключенными, находившимися там же. В то время я был довольно хорошо известен в тюрьме, поскольку я не был обычным преступником, я имел определенный профессиональный опыт и мое дело было относительно громким. У меня было даже тюремное прозвище – «Журналист». Благодаря своему профессиональному опыту и знанию правовой системы на основе моего дела, я также оказывал помощь другим заключенным по интересующим их вопросам, давал им советы по вопросам тюремного быта или правовым спорам заключенных.

20. Я не видел Магнитского, когда меня привели в «сборное помещение», он там появился примерно после того, как я там пробыл уже от тридцати до сорока минут. Когда Магнитского привели, в помещении было более десяти других заключенных. Я рассказывал другим заключенным о том, как проходило заседание в суде кассационной инстанции, где мне в два раза сократили срок наказания и количество вмененных преступлений.

21. Заключенных приводили и уводили из «сборки». Магнитский, должно быть, провел в этом помещении не менее тридцати минут, если не больше, прежде чем он подошел ко мне. Я его до этого не знал и не видел ранее. Но обратил внимание на него еще до того, как он подошел ко мне, поскольку он выделялся на фоне других заключенных своим внешним видом: был опрятен и ухожен, напоминал банковского клерка, вел себя очень тихо и внимательно вслушивался в мой разговор с другими заключенными. Магнитский подошел ко мне, попросил разрешения прервать мой разговор и попросил меня о разговоре наедине. Я согласился, мы отошли от других заключенных, присели на лавку, чтобы поговорить конфиденциально.

22. Магнитский сразу же спросил меня: «Вы Олег «Журналист»? Я ответил утвердительно, он назвал себя и пояснил, что он обо мне слышал, слышал о моем деле, читал обо мне еще до того, как сам оказался под стражей. Находясь в заключении, слышал обо мне от других заключенных.

23. Магнитский сообщил мне, что его содержат в специальном блоке, в котором, как я слышал, были лучшие камеры в тюрьме, так называемый «большой спецблок». В этих камерах обычно содержались «белые воротнички», количество заключенных в таких камерах меньше, часто было горячее водоснабжение в самой камере, камеры оборудовались бытовой техникой (телевизор, холодильник и прочее). Я никогда не содержался ни в одной из этих камер, но об обстановке слышал от других заключенных.

24. Разговор с Магнитским был необычным и поэтому он мне запомнился. Магнитский сказал мне, что он невиновен, оказался под стражей только из-за того, что не успел уехать из страны и что у него есть «покровители» как в России, так и за границей, которые добьются его освобождения, поскольку очень заинтересованы в том, чтобы он (Магнитский) никаких показаний о своих работодателях не давал, хотя тот и мог бы пойти на сотрудничество со следствием и рассказать много чего. Имен он никаких не называл.

25. Магнитский сказал, что как ему передали от его работодателей уже была достигнута договоренность со следствием, что ему изменят меру пресечения со стражи на подписку о невыезде, но сразу после того, как он выйдет он тут же уедет из страны в Англию, откуда в Россию не экстрадируют.

26. Я спросил его, если у него все так хорошо складывается, почему он до сих не вышел на свободу и что он хочет от меня. Магнитский мне пояснил, что переговоры со следствием были очень сложными и длительными, но включились друзья его работодателей, которые обладают административными связями в правоохранительных органах, и им, наконец, удалось договориться. Он не говорил от кого он получил эту информацию, но из разговора я понял, что эта информация до него доводилась неназванным им лицом по мобильному телефону, которые были строго запрещены, но в СИЗО имелись нелегально. Так, доказывая мне, что все так и будет, как он говорит, он сказал, что ему только накануне ночью это еще раз подтвердили. Поскольку ночью никаких свиданий ни с адвокатами, ни с родственниками быть не может, а ночное время – это самое безопасное время для использования нелегальной сотовой связи (обыски в ночное время запрещены), я и сделал такой вывод, что эту информацию он

получал из вне посредством нелегальной мобильной связи. При этом он пояснил, что ему сказали, чтобы были достаточные поводы для изменения меры пресечения с ареста на подписку о невыезде ему нужно писать большое количество жалоб на условия содержания, что он уже начал делать. Вопрос ко мне у него заключался в совете и помощи в правильном написании текстов жалоб, чтобы они не спровоцировали проверки следственного изолятора и не вызвали агрессию по отношению к нему со стороны других заключенных. Магнитский очень был обеспокоен тем, что он мог вызвать к себе злобу от других осужденных и со стороны администрации изолятора, что могло бы как он считал привести к мерам физического воздействия на него со стороны заключенных и (или) лишения определенных бытовых удобств со стороны администрации, вплоть до перевода в плохие камеры, о которых он слышал. В частности, он сказал, что ему рекомендовали жаловаться на несоответствие условий содержания в тюрьме внутренним тюремным правилам. Например, на каждого заключенного должны отводиться два квадратных метра площади в камере, но в камере Магнитского на него приходилось только 1,5 квадратных метра площади. Он говорил, что ему приходится свои жалобы доводить до абсурда: считать размер камеры шагами, фиксировать подачу горячей воды, бесперебойность работы канализации и прочего. Писать такие жалобы ему лично это было крайне неприятно. Но его уверили, что это единственное, что он должен делать для того, чтобы следователь изменил меру пресечения.

27. Я сказал Магнитскому, что мы содержимся в изоляторе, здание которого было построено в 19 веке, и что условия содержания здесь не соответствуют внутренним тюремным правилам для каждого заключенного, а не только для него. Также я сказал Магнитскому, что с учетом возраста изолятора и количества заключенных, содержащихся в нем, соблюдение таких правил просто не представляется возможным. Поэтому я поставил под серьезное сомнение правдивость переданных ему рекомендаций. По крайней мере я не слышал ранее ничего более похожего.

28. Я с сарказмом сказал Магнитскому, что ему следует подавать самые идиотские возможные жалобы, например, жаловаться на площадь, отведенную под туалеты в каждой камере. В ответ он рассмеялся.

29. Я высказал Магнитскому свое мнение, что, если бы была достигнута договоренность, о которой он мне рассказал, никаких жалоб для этого не потребовалось бы. Поскольку это было в компетенции следвателя решить вопрос самостоятельно, тем более, что

статья, по которой он обвинялся (как он мне сказал он был обвинен за неуплату налогов) была не страшной. На что Магнитский мне сказал, что он тот же вопрос задал своим покровителям, и ему пояснили, что его дело касается хищения налогов, и оно может быть не одно, потому не так просто было договориться со следователем. Я ему ответил, что не верю в эту историю и все, что он может добиться своими идиотскими жалобами - это проведение специальной комиссией обыска в камерах в ходе которого, несомненно, будут выявлены контрабандные товары, спрятанные в камерах других заключенных, в том числе нелегальные мобильные телефоны, и что, в свою очередь, это конечно вызовет гнев других заключенных по отношению к нему. Я ему сказал, что его просто дурачат и он должен подумать ради чего.

30. Наш разговор был завершен примерно через двадцать минут, мы пожелали друг другу удачи. В течение всего нашего разговора Магнитский выглядел спокойным и непринужденным.

31. Следующая моя встреча с Магнитским состоялась приблизительно через неделю – 10 дней, но точно до 19 августа 2014 года, в одном из таких же «сборных помещений» в СИЗО «Бутырка». Увидев меня, он уже сразу подошел, и мы начали говорить.

32. Поначалу я не заметил ничего необычного в состоянии Магнитского, поскольку для человека, находящегося в тюрьме, он выглядел здоровым, бодрым, был также опрятен и ухожен.

33. Однако в ходе разговора я заметил драматическую перемену в Магнитском, в сравнении с нашей первой встречей. Во время нашего первого разговора Магнитский выглядел спокойным, а во время нашего второго разговора он представлял собой комок нервов. Он не мог усидеть на месте, постоянно шагал из стороны в сторону в ходе всего нашего разговора, и явно нервничал. Был возбужден.

34. На этот раз Магнитский начал активно расспрашивать меня о моем деле, как мне удалось добиться сокращения срока в два раза. Как я себя вел на суде и прочие подробности.

35. Затем Магнитский признал, что я был по всей видимости прав, когда сказал ему, что ему не удастся выйти из-под стражи с помощью многочисленных жалоб. Он сказал примерно следующее: «Я доверял им, а они поступили со мной непорядочно», и «у меня такое чувство, что я не выйду из этой тюрьмы никогда». Магнитский не понимал, что происходит с его делом. Он сказал мне: «Меня подставили и кинули». Он сказал, что все данные ему

обещания «не стоили ни гроша», и что он чувствует, что его «обманули» и «поимели». Магнитский употреблял ругательства – что было ему несвойственно, так как он выглядел человеком образованным и утонченным. Также складывалось впечатление, что употреблять ругательства было для него непривычно.

36. Магнитский чувствовал себя некомфортно в связи с подачей такого большого количества жалоб. Магнитский сказал мне, что его адвокаты не связываются с его работодателями по вопросу его освобождения из тюрьмы.

37. Магнитский сказал также, что его адвокаты приносили ему заранее заготовленные тексты, распечатанные на компьютере, его показаний для того, чтобы он их подписал и передал следователю. Но он отказывался их подписывать. Возмущался тем, что эти сведения никакого отношения к его делу не имеют и его не касаются. Он говорил, что его пытаются использовать в каком-то другом деле.

38. Я спросил его, были ли органы следствия заинтересованы в этих свидетельских показаниях, но Магнитский повторил, что эти показания не были связаны с уголовными обвинениями, выдвинутыми прокурором, и что эти свидетельские показания не были напрямую связаны с его делом. Это касалось какого-то другого дела. Магнитский сказал, что, по словам его покровителей, эти свидетельские показания помогут им добиться его свободы, но при этом категорически ему запрещалось обсуждать условия договоренностей со следователем, который ведет его дело, так как договоренности как оказалось были не с ним, а, как ему сказали, с его руководством.

39. Я пытался его успокоить, говорил, чтобы он не впутывал себя ни в какие истории и предложил ему рассказать об этом следователю. Но казалось, Магнитский вообще меня не слушал, поскольку он был полностью погружен в собственные мысли. В ходе этой части разговора Магнитский жаловался на свое общее состояние, говорил, что чувствует себя не лучшим образом, обострились его хронические болячки, он плохо спит, очень переживает. Я спросил Магнитского, нужно ли ему что-нибудь из тюремного «общака», – механизма, с помощью которого заключенные делились лекарствами и другими предметами, поддерживая друг друга. Магнитский сказал мне, что он в порядке, и что у него есть все необходимое. Я ему советовал больше думать о себе, что из-за всех этих тревожных состояний у него могут начаться проблемы со здоровьем. На этом нас развели и больше мы с ним не виделись.

40. Я никогда не видел ни единого свидетельства того, что Магнитский или любой

другой заключенный подвергался бы избиению в изоляторе. Подобное событие привело бы к массовому тюремному бунту, чего очень боялась администрация, опасаясь за свою карьеру.

41. Для примера могу сообщить, что единственный раз при мне был случай, еще в самом начале моего содержания, когда стало известно, что в карцере одного из заключенных вроде бы кто-то ударил дубинкой. В ответ все заключенные несколько дней отказывались принимать еду, дело могло стать для администрации фатальным, сведения о голодовке могли проникнуть в прессу и всех бы просто как минимум уволили. Для прекращения массовой голодовки были привлечены подразделения специального назначения, однако внутрь помещения они не проходили, были привлечены родственники заключенных, и между заключенными и администрацией велись ожесточенные переговоры. Массовая голодовка была прекращена только после того, как администрация согласилась на ряд условий, связанных с питанием и режимом содержания.

42. Как я уже говорил, я оставался в следственном изоляторе «Бутырка» приблизительно до 19 августа 2009 года, когда меня уведомили о том, что меня переводят в колонию, где я буду отбывать остаток срока, после решения кассации. В тот вечер меня отправили к месту отбывания наказания в Мурманской области, к северу от Полярного Круга.

43. Находясь в Мурманском лагере, я услышал о смерти Магнитского из СМИ. Я слышал о том, что его смерть наступила по медицинским причинам, хотя позднее слышал, что в прессе появились публикации, что его убили. Из этих сообщений я узнал, что он был переведен из изолятора «Бутырка» в «Матросскую Тишину»; в «Бутырке» было небольшое медицинское учреждение, а в «Матросской Тишине» была больница. Там он и скончался в день, когда его перевели из нашего СИЗО.

44. По поводу медицинский и иных условий содержания по страже, хочу пояснить, что российские тюрьмы, изоляторы, как, впрочем, и американские, - не курорты и санатории для арестованных и заключенных. Уровень медицинского обслуживания в нашей пенитенциарной системе очень скудный. Также я считал, что и уровень профессиональной подготовки врачей тоже крайне низкий, что в изоляторах и колониях нет необходимого и достаточного медицинского оборудования, что порой врачи одними таблетками пытаются вылечить все болезни. Я не знаю точную статистику, но случаи смертей в изоляторах и тюрьмах не единичны. Об этих проблемах я писал статьи.

45. В случае же с Магнитским, меня насторожило лишь одно – он был крайне

встревожен в нашу последнюю встречу, и, как я понимал его тревогу, она шла от его осознания, что люди, на которых он работал, начинают использовать его в каких-то своих целях, прося делать вещи и подписывать документы, с которыми он не был внутренне согласен. По крайней мере я так понимал весь контекст нашего с ним разговора. Но никаких признаков того, что у него были какие-то серьезные нарушения здоровья я не видел и он ничего не такого конкретного не сообщал, говорил только о том, что у него в последнее время из-за всех этих переживаний и тревог обострились хронические болячки.

46. Выйдя на свободу, вернувшись к нормальной жизни, я возобновил свои работы и начал расследование того, кто же являлся работодателем Сергея Магнитского.

47. Обстоятельств дела Сергея я не знал, читал только в открытых источниках, в прессе. К тому моменту искать работодателей Магнитского, о которых он говорил, не пришлось, так как была уже мощнейшая пиар-кампания от их имени вообще во всем мировом сообществе. Ими оказались гражданин США Файерстоун и бывший американец, ныне английский гражданин – Билл Браудер. Меня, честно сказать, мало тогда интересовало то, что распространялось ими о том, что сделал или не сделал Сергей, и я не вдавался в детали и подробности истории с так называемым делом Магнитского. И без меня там журналистов была тьма. Меня заинтересовало в этой истории другое. Как смог иностранный гражданин в одиночку, как он представляет себя в прессе, не зная русского языка, не зная наших законов и менталитета, не живя здесь ни одного дня, приехать к нам и в течение нескольких лет сколотить состояние себе и стоящим за ним другим иностранным инвесторам, способное быть одной из строчек мирового рейтинга самых богатых людей в мире? Я, зная, как устроен бизнес в нашей стране, замешанный на коррупции, особенно в период ельцинского правления, чему я посвящал многое в своих журналистских расследованиях, ни на минуту не сомневался в том, что начальный капитал Браудер и стоящие за ним люди не могли сделать без участия в коррупционных схемах, сговорах с чиновниками и обычном воровстве.

48. Проведя исследования в открытых источниках, обрстая информаторами и документами, я неожиданно для себя через какое-то время обнаружил, что имя Браудера и история его капитала тесно переплетается с именами наших бывших крупных чиновников, по сути являющихся олигархами. К таковым, например, относился бывший премьер-министр России Михаил Касьянов, герой моих очень многих публикаций и расследований еще с начала 2000-х годов. Но мое потрясение было в том, что я обнаружил прямую связь между именем

Браудера и не только Касьяновым, но и крупнейшим в истории Российской Федерации хищением, нецелевым расходом \$4,8 миллиардов, предоставленных России Международным Валютным Фондом в 1998 году. Этим расследованием я занимался очень давно, уже более 10-ти лет назад, писал об этом статьи, еще до своего ареста. Еще тогда я установил, что в финансовых транзакциях, так и не дошедших до бюджета России, но упавших долгом на российскую казну, который потом закрывали другими кредитами, участвовала целая цепочка американских компаний и кредитных учреждений. Одним из таких кредитных учреждений был банк Эдмона Сафры – Республиканский Национальный Банк Нью-Йорка (Republic National Bank of New York). Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что Эдмонд Сафра был соучредителем и чуть ли не основателем той самой компании – Эрмитаж Кэпитал, от имени которой Браудером велась деятельность в нашей стране, пока они не закрылись за свои махинации. Я уже писал о том, что скорей всего Эдмон Сафра начал сотрудничать с американским следствием, но вскоре после начала расследования ФБР обстоятельств финансовых транзакций с названным мною выше кредитом, скоростижно погиб при пожаре в собственном доме в 1999 году, что лично для меня оставило много вопросов о не случайности этой трагедии.

49. Проводя расследования по тем самым работодателям и покровителям Сергея, о которых он мне рассказывал, не называя имен, но зная о них из открытых источников, я пытался найти ответ на вопрос как же они смогли у нас так долго и безнаказанно проводить спекулятивно мошеннические схемы. Начал выяснять цепочку их корпорации и вдруг обнаружил, что Банк Сафры - Республиканский Национальный Банк Нью-Йорка (Republic National Bank of New York), задействованный в тех махинациях, о которых я писал еще 10 лет назад, был сразу после его трагической весьма странной гибели продан Банку HSBC. В России же Республиканский Национальный Банк Нью-Йорка (Republic National Bank of New York) был заменен российским представительством Банка HSBC. А само HSBC заявляло себя как владелец Эрмитаж Кэпитал, точнее тех компаний, которые управлялись через Эрмитаж Кэпитал Биллом Браудером. Я начал новые публикации и интервью по поводу возможной связи между «вдруг» таким финансовым успехом Браудера в лице Эрмитаж Кэпитал в России и гибелью Сафры и перехода его Банка в собственность Банка HSBC, сразу после того, как произошла эта темная история с валютными кредитами.

50. Эти мои расследования привели ко мне летом 2014 года авторов фильма об истории Браудера в России и других странах под названием «Шерлок Холмс расследует смерть

Магнитского». Фильм вышел в октябре 2014 года в Англии, а в середине ноября 2014 года был показан в России на канале НТВ с переводом на русский язык. Сегодня этот фильм с моим участием можно посмотреть в открытом доступе в сети интернет.

51. В этих съемках, проходящих летом 2014 года, я рассказал создателям фильма свою историю и результаты своего расследования, но больше всего их заинтересовал тот факт, что я лично общался с Сергеем Магнитским в «Бутырке». И, как я уже чуть выше говорил, я не вдавался в подробности его дела и по сути не интересовался его деталями, поэтому я даже не знал, что был по сути последним журналистом, который с ним общался.

52. Сегодня я понимаю, что был видимо вообще первым журналистом, который с ним общался. Уже после съемок в этом фильме я начал изучать историю Сергея в интернете и не обнаружил за всю многолетнюю пиар-кампанию, проделанную Браудером по этому делу, ни одного интервью с Магнитским, как, впрочем, и упоминаний о нем, вплоть до его ареста осенью 2008 года.

53. После того, как фильм с моим участием вышел в интернете, примерно в октябре 2014 года ко мне обратился российский адвокат Дениса Кацыва – Наталия Весельницкая. Это был первый раз, когда я говорил с ней или с кем-либо другим, представляющим ее клиента. Мы встретились в гостинице «Мариотт» в Москве, на Тверской улице и обсуждали имеющуюся у меня информацию в течение приблизительно четырех часов. В ходе этого разговора я пересказал свою историю, изложенную выше, относительно моего тюремного заключения и встреч с Магнитским. Чуть позже она отобрала от меня письменные показания, как судебный адвокат и просила больше на эту тему ни с кем не говорить, так как возможно мои показания об обстоятельствах встречи и разговорах с Сергеем Магнитским могут понадобиться в судебном процессе в США, инициированном Браудером через федеральную прокуратуру к компаниям ее клиента. Она также представила мне другие материалы, чтобы я мог продолжить свои расследования, написать другие статьи, не касаясь этой темы.

54. Но 29 октября 2014 года я в течение часа выступал на популярной российской радиостанции «Вести ФМ», где я раз в неделю веду передачу в прямом эфире вместе с известным в России журналистом Владимиром Соловьевым. Во время этой передачи я вскользь, без деталей и подробностей упомянул о своих встречах с Магнитским, говоря о других вопросах. И как меня не уговаривал в новостном перерыве эфира Володя Соловьев рассказать, о чем были встречи, я, памятуя просьбу адвоката Кацыва, подробностей никаких

больше никому не говорил.

55. Но популярность передачи Соловьева у нас настолько велика, что весть о том, что я встречался накануне смерти Магнитского с ним лично, разлетелась сразу же, даже больше, чем мой рассказ в английском фильме. Мне стали звонить многие российские журналисты и просить дать интервью, но я отказывался.

56. А 4 ноября 2014 года, мне позвонили с незнакомого мне телефонного номера. Поскольку я, по специфике своей журналистской работы, неоднократно сталкивался с угрозами и провокациями, все незнакомые звонки я старюсь записывать, для чего всегда ношу с собой второй телефонный аппарат с функцией диктофона. И в этот раз я включил громкую связь и начал записывать этот короткий телефонный разговор с помощью этого отдельного устройства, неактивного (т.е. исправного, но не подключенного к сети мобильной связи) мобильного телефона, оснащенного функцией записи. Вызов был прерван из-за технических затруднений, на самом деле я положил трубку, чтобы удостовериться в том, что я смогу записать разговор.

57. Я записал весь разговор. Верная и точная запись телефонного разговора, а также верная и точная стенограмма этого разговора представлены в Приложении № 1 к данному заявлению. Звонящий представился, как «Максим». Мой голос на записи обозначен как Говорящий 1, а голос Максима – как Говорящий 2. Я никогда ранее не разговаривал с этим звонящим, его голос мне не знаком и я не знаю звонившего.

58. Тот же абонент почти немедленно позвонил мне еще раз. Вновь, телефонный номер был мне не знаком. Я записал этот разговор точно так же, как первый – с помощью громкоговорителя и отдельного неактивного мобильного телефона, оснащенного функцией записи. Я записал весь разговор. Верная и точная запись телефонного разговора, а также верная и точная стенограмма этого разговора представлены в Приложении № 2 к данному заявлению. Мой голос на записи обозначен как Говорящий 1, а голос Максима – как Говорящий 2.

59. После нескольких вступительных любезностей Максим сообщил мне, что действует от имени своего клиента, не назвав при этом его имени. Я догадался, что его клиентом является Уильям Браудер. Максим сказал, что он слышал мое недавнее выступление на радио, и сослался на Магнитского, не упоминая его имени. Максим сказал, что может представить мне дополнительные документы, чтобы я мог «слегка подкорректировать мою историю». Максим предложил мне встретиться с его представителем в Москве, которого, по словам Максима, зовут «Марк». Он сказал, что мы с Марком сможем обсудить «коммерческие

вопросы», и «определенное сопровождение». Я согласился встретиться с «Марком» в общественном месте.

60. Через тридцать минут тот же человек позвонил мне еще раз. Вновь, телефонный номер был мне не знаком. Я записал этот разговор точно так же, как первые два разговора – с помощью громкоговорителя и отдельного неактивного мобильного телефона, оснащенного функцией записи. Я записал весь разговор. Верная и точная запись телефонного разговора, а также верная и точная стенограмма этого разговора представлены в Приложении № 3 к данному заявлению. Мой голос на записи этого разговора обозначен как Говорящий 1, а голос Максима – как Говорящий 2.

61. Во время этого звонка Максим попросил меня о скорейшей встрече. Но сразу уточнил, что вместо «Марка» на встрече будет некто «Владимиром» (которого иногда он также называл «Володя» – это общепринятая в русском языке разговорная форма имени Владимир). Максим сообщил мне, что Владимир уладит все вопросы, связанные с деньгами.

62. Владимир позвонил мне 6 ноября со скрытого номера, чтобы договориться о встрече; я не записал этот разговор, так как в этот момент был на интервью. Мы с ним договорились встретиться в гостинице «Рэдиссон Украина», расположенной в самом начале Кутузовского проспекта в центре Москвы.

63. Я встретился с Владимиром позднее 6 ноября, как он и просил. Я записал разговор, состоявшийся в ходе этой встречи, с помощью неактивного мобильного телефона, оснащенного функцией записи. Я записал эту встречу. Верная и точная запись разговора, а также верная и точная стенограмма этого разговора представлены в Приложении № 4 к данному заявлению. Голос Владимира обозначен на записи как Говорящий 1, мой голос обозначен как Говорящий 2.

64. Владимир – человек ростом приблизительно 1,8 метра (чуть меньше 6 футов), с седыми, коротко стриженными волосами, очень худой. Участки кожи вокруг его глаз и на лбу испещрены морщинами. Он был хорошо одет, на нем был шелковый шарф и дорогое кашемировое пальто. У него не было часов. Вместо этого он узнавал время на экране относительно недорогого мобильного телефона.

65. Во время встречи Владимир заказал чай и воду.

66. Владимир сказал мне, что он и Максим представляют интересы Уильяма Браудера. Их беспокоило то, что я рассказал по радио о том, что дважды встречался с Магнитским в «Бутырке», и что Магнитский даже упоминал лиц, связанных с Браудером.

67. Владимир сделал мне предложение от имени Браудера, попросив меня изменить мою историю на их версию, что к тому моменту была изложена в прессе: что Магнитский подвергся избиению и был убит в тюрьме, после того, как вскрыл многомиллионное хищение средств из российского бюджета и открыто обвинил в этом следователей. Я говорил, что таких разговоров у меня не было, и что вообще видимо это неправда, но Владимир сказал мне, что «Магнитский мертв, и ничего не сможет ни опровергнуть, ни подтвердить». Владимир (от имени Браудера) попросил, чтобы я написал статью, которую можно было бы опубликовать в западной прессе, он также готов был предоставить мне информацию о списке Магнитского и дополнительные материалы.

68. Владимир сказал, что им нужно, чтобы я сделал это в связи с судебным делом в США с участием Кацывов, которое имеет критическое значение; если это дело развалится, вся история с Магнитским пойдет прахом. Владимир признал, что «мы понимаем, что Кацыв не при делах».

69. Владимир предложил мне 100 000 фунтов стерлингов, а я спросил его, сколько эта сумма составит в долларах. Я сказал Владимиру, что мне необходимо обдумать данное предложение и мы договорились переговорить позднее.

70. При этом в ходе разговора, ближе к концу я уточнил, кто был тот загадочный «Марк», с которым мне было поначалу предложено встретиться и вместо которого на эту встречу пришел Владимир. Я уточнил, не о Марке ли Фейгине шла речь. Мой вопрос явно поставил в тупик Владимира, он засмутился, сказал, что его шеф не захотел светить Марка, поэтому на встречу со мной был направлен он.

71. Почему я упомянул фамилию этого адвоката, поясняю. Уже к тому моменту, посвятив много времени изучению истории Браудера, я также видел прямую связь между рядом наших российских журналистов и адвокатов, выступающих в одном антироссийском ключе, как и господин Браудер, с ним самим. И одним из таких людей являлся господин Марк Фейгин, российский адвокат, который брался за громкие дела, в которых так или иначе публично компрометировалась государственная власть и лично президент Путин. Одним из таких самых известных на момент моего разговора дел являлось дело группы Пусси Райт. Позорное,

очерняющее церковные устои выступление девиц, мягко сказать аморального поведения, чему есть огромное количество свидетельств в открытых источниках, было очень многими врагами России использовано в совершенно искаженном информационном виде против России в целом. Одним из адвокатов этих девиц и был Марк Фейгин, больше чем кто-либо из других адвокатов популяризовал себя на этом деле в медийной сфере. Мои источники мне говорили, что неоднократно видели Фейгина в офисе Браудера в Лондоне, пока он вел дело Пусси Райт. Потом уже и Браудер начал возить этих девиц, после того, как они вышли из тюремного заключения, с собой на свои выступления, как пример очередной «путинской тоталитарной системы». Например, чуть позднее после описываемых мною событий, одним из таких последних совместных их выступлений было участие в конференции в Лондоне 18 ноября 2014 года, где вместе с Браудером, Толоконниковой и Алехиной, был также и названный мною ранее Михаил Касьянов (о конференции можно посмотреть в интернете: <http://henryjacksonsociety.org/2014/11/18/prospects-for-russia-after-putin-five-years-from-the-death-of-sergei-magnitsky/> и видео - <https://www.youtube.com/watch?v=8TrEqcT3nil>). Вообще, поскольку имя Марк у нас в стране не распространенное, а единственного Марка в связке с Браудером я к тому моменту слышал о Марке Фейгине, я и назвал его фамилию. Максим засмутился, на этом разговор был окончен.

72. Затем у меня состоялся телефонный разговор с Владимиром, 16 ноября 2014 года, в ходе которого мы договорились о следующей встрече. Он звонил со скрытого номера, но я сразу же узнал его голос. Я предложил ему встретиться в кафе «Тодасё» возле редакции газеты «Известия», но Владимир захотел встретиться в другом кафе, под названием «Кафе Моска», буквально в двух шагах от того места, которое предложил я, примерно в 15-16 часов. Я не смог записать этот телефонный разговор, так как в этот момент ехал в метро.

73. Я встретился с Владимиром позднее 16 ноября, как он и просил. Я записал разговор, состоявшийся в ходе этой встречи, с помощью неактивного мобильного телефона, оснащенного функцией записи. Я записал эту встречу. Верная и точная запись разговора, а также верная и точная стенограмма этого разговора представлены в Приложении № 5 к данному заявлению. Голос Владимира обозначен на записи как Говорящий 1, а мой голос обозначен как Говорящий 2.

74. Владимир только выпил немного воды, которую я заказал до его прихода.

75. Во время этой встречи я сообщил Владимиру, что я не могу принять его предложение, так как это противоречит моей совести. Затем Владимир пригрозил мне, что Браудер затаскает меня по судам, и мне будет запрещен въезд во многие страны по всему миру, если я не приму его предложение. Владимир даже заявил, что Браудер может манипулировать судами США.

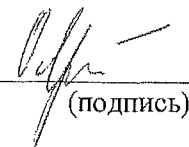
76. Помимо перечисленных телефонных разговоров и встреч, я не имел дальнейших контактов ни с Владимиром, ни с Максимом.

77. На встречи с Владимиром я соглашался исключительно только из журналистского интереса, на собственном примере изучая методы ведения кампании со стороны Браудера. И поскольку я понимал, что их заинтересовали мои показания, которые они просили дать, в целях усиления их позиции по делу Кацыва в США, я обо всех этих контактах и разговорах рассказал его российскому адвокату – Наталии Весельницкой, которая просила меня до моих настоящих показаний в рамках этого дела больше не давать никаких интервью и не писать никаких статей на тему моих контактов с Сергеем Магнитским и представителями Браудера.

Я заявляю под страхом наказания за дачу ложных показаний в соответствии с законами Соединенных Штатов Америки, что все вышесказанное является точным и верным:

Дата подписания:

13.02., 2015

(подпись)

Москва, Россия

Олег Лурье